

Татьяна Лытвинова

Татьяна Лутанцева

НАД ПРОПАСЬЮ
НЕ РЖИ!

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л83

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается

Ранее книга издавалась под названием
«Сейф для любовных улик»

Оформление — *Екатерина Петрова*

Луганцева, Татьяна Игоревна.

Л83 Над пропастью не ржи! : [роман] / Татьяна
Луганцева. — Москва : Издательство АСТ,
2017. — 320 с. — (Иронический детектив).

ISBN 978-5-17-099703-9

Переводчица Ефросинья Кактусова — женщина не очень счастливая в любви. Очки с устрашающе толстыми линзами и весьма блеклая внешность не способствовали ее успеху у лиц сильного пола. Зато она постоянно попадала в самые невероятные истории — то проснется без вещей и документов в костюме лося в постели бывшего возлюбленного, то влетит под машину, то окажется в компании парочки трупов в купе поезда, то попадет в ловушку к кровожадным извергам. Но самое-самое удивительное происшествие ждало Фросю впереди...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Т.И. Луганцева, 2017

ISBN 978-5-17-099703-9 © ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

В какой-то момент Ефросинья Евгеньевна Кактусова поняла, что в ее случае высшее образование не гарантировало ей ума и житейской мудрости. Когда дело касалось работы, профессии, то ей не было равных по уму и сообразительности, а вот если речь заходила о каких-то женских хитростях, устройстве личной жизни, она всегда оказывалась на последних позициях.

В семье Фроси сложился особый культ отца. Евгений Григорьевич был весьма незаурядной личностью с сильным характером. Про таких обычно говорят — человек со стержнем. Известный физик-ядерщик, со своими взглядами и убеждениями, совершенно аполитичный, Евгений Григорьевич всегда боролся за справедливость, ощущение коей было у него отточено до абсолюта. Причем ему было все равно, кто перед ним, простой дворник или партийный чиновник.

Понятно, что с такой жизненной позицией профессору Кактусову в годы советской власти пришлось нелегко. Руководство, обеспокоенное тем, что ведущий специалист остается беспартийным, разными способами пыталось заставить Евгения Григорьевича вступить в коммунистическую партию — и по-хорошему,

Татьяна Луизица

суля поездки за границу и повышение оклада, и по-плохому, грозя понизить по службе вплоть до статуса младшего научного сотрудника, сделать «невъездным», не номинировать на государственные премии, лишить правительственной дачи и еще много чего. Но ученый был неисправим и неумолим. Он так и заявлял, глядя начальству в глаза:

— Можете хоть кожу с меня содрать, но я от своих убеждений и взглядов не откажусь. Если я говорю, что этот человек — жирная свинья и взяточник, то, значит, так и есть. И ничего другого я ему не скажу, не покривлю душой. И я не хочу быть в рядах партии, где вижу много негативных моментов. Сказать, каких именно?

— Нет! — хором отвечали Евгению Григорьевичу.

И Кактусов замолкал с торжествующим видом. Кстати, внешность его соответствовала внутренней мощи — высокий статный мужчина со стоящими дыбом черно-седыми волосами, этакая соль с перцем, и с очень внимательным, пронзительным взором.

Конечно, при таких взглядах гнить бы ему в лагерях как политическому врагу родины, но компартия Советского Союза не могла пойти на это в период гонки вооружений. Потому что, если бы не стало Кактусова, развитие ядерной промышленности (да что там, скажем честно — ядерного оружия) остановилось бы на несколько лет. То есть самое главное — гонка вооружений, на чем держалась политика того времени, была бы проиграна. А этого допустить было нельзя, что понимали все. И в руководстве тоже. Поэтому Евгений Григорьевич оставался на свободе, пользовался привилегиями, словно являлся членом партии. Только вот на съездах и конфе-

Над пропастью не ржи!

ренциях ему не давали много времени для выступления, особенно перед иностранными коллегами, ссылаясь на то, что товарищ Кактусов очень замкнут и очень занят.

На самом же деле Евгений Григорьевич был даже очень общительным человеком и всегда находил время для личной жизни, несмотря на колоссальную занятость и загруженность на архисерьезной работе. Будучи мужчиной видным, он пользовался успехом у женщин. Буквально легенды ходили о количестве любовниц у товарища Кактусова, что также было вне рамок советского общества, главной ячейкой которого являлась семья. Но и на это приходилось закрывать глаза. Правда, несколько раз на собраниях поднимался вопрос об аморальности его поведения, но опять же не смогли на него ничем надавить, потому что исключить из партии того, кто в ней не состоит, невозможно. И звать к совести человека, у которого загораются глаза при виде любой женщины, тоже бесполезно. Кактусов только отмахивался и напоминал о своей честности по отношению к дамам, ведь профессор и им умудрялся признаваться в лицо, что он форменный бабник.

— Евгений Григорьевич, вы уже в таком солидном возрасте! Как вы можете вести себя так легкомысленно? — корило ученого начальство. — Пора бы уже обзавестись семьей! Пошли бы дети, внуки... Ну, не нам же объяснять вам законы существования человечества?

А Евгений Григорьевич смеялся в ответ:

— Уважаемые товарищи, вмешательство в личную жизнь вообще недопустимо! И не дозволено ни партийным органам, ни каким-либо другим! Я не вижу рядом с собой достойной меня женщины. Может, я

Татьяна Луизица

вовсе не создан для семьи, и в этом моя особенность. Мне кажется, честнее не жениться совсем, чем создавать так называемую крепкую семью и изменять супруге направо и налево. Честнее уж жить, как я, тем более что женщины на меня не в обиде, — честно признался профессор. — Кстати, про детей-внуков вы так говорите, мол, пошли бы, словно они грибы. Так вот что я вам отвечу — я не грибник!

Кактусов оказывал на представительниц слабого пола просто-таки магическое действие. Что ж, он был красив, умен и остроумен. И крутил любовь направо и налево, не брезгуя даже женами друзей, так как не мог пропустить мимо ни одну женщину. Но Евгений Григорьевич никогда ничего и не обещал своим любовницам. А вот помогал им, пользуясь своим служебным положением, всегда. Например, доставал продукты, путевки для заграничных поездок и талоны на отоваривание в пресловутых магазинах «Березка», где только и можно было купить чешский хрусталь, американские джинсы и французские духи. Он всегда откликался на просьбы о помощи в трудную минуту и устраивал родных и близких своих любовниц (зачастую и их мужей тоже) в лучшие ведомственные больницы, а детей в детские сады и пионерские лагеря.

Дамы любили и ценили Кактусова. И каждая понимала, что он не способен принадлежать только ей одной, поскольку не вписывается в рамки семьи. Да и вообще, какая бы женщина могла быть единственной рядом с такой личностью, чтобы все ему прощать и не расплавиться в лучах его славы?

Но, конечно же, все свое основное время профессор Кактусов посвящал физике и математике, главной стра-

Над пропастью из ржи!

сти его жизни. Мозг ученого работал как компьютер, когда еще и понятия-то такого не было. Может, поэтому Евгению Григорьевичу и не везло с женщинами: он сразу просчитывал каждую из них от первого взгляда до последней ухмылки.

И вот когда все смирились, что ведущий ученый так и останется холостяком, в институт на кафедру физики биологических тел взяли молоденькую лаборантку Зинаиду, совершенно ничем не примечательную внешне, такую тихую и спокойную «серую мышку». Евгений Григорьевич не сразу ее заметил, но когда вышел из своих исследований и расчетов, не смог пройти мимо. Тут-то и началось самое интересное. Зина, несмотря на внешнюю хрупкость и трогательность, проявила прямо-таки кремниевый характер. На все попытки известного ловеласа сблизиться она отвечала твердым «нет». Сначала это забавляло ученого, потом его охватил азарт и еще какое-то доселе неизвестное ему чувство, а затем мужчина просто заболел, да, заболел ею, перестал есть и спать.

Кактусов ухаживал за Зиной с присущим ему темпераментом. Засыпал ее цветами, коробками шикарных шоколадных конфет, все время норовил подвезти на своем роскошном авто до дома... Наконец девушка согласилась пойти с ним в ресторан. Что тут сделалось с ученым! Он бегал и скакал, как подросток, поднял все свои связи и заказал столик в одном из лучших по тем временам заведений. Его сердце было готово выскочить из груди. Евгений Григорьевич радовался, словно ребенок перед походом в «Детский мир», пребывал в нервном возбуждении, как тот же ребенок перед новогодней

Татьяна Луизица

ночью в предвкушении того, что с утра уже можно будет посмотреть подарки под елкой. Ученый купил даже золотую цепочку, решив уже полностью добыть Зинаиду.

Между тем в ресторане он натолкнулся на холодные, серьезные серо-голубые глаза. Девушка явилась в опрятном классического покроя платье, без тени косметики и не пахнущая духами. Выглядела она совсем не так, как дамы, обычно приходившие к нему на свидание. Зинаида сразу же заговорила деловым тоном:

— Я согласилась на встречу с вами по одной простой причине. Со мной беседовало руководство по поводу вашего поведения, и меня чуть ли не обвиняют в том, что вы не можете что-то там сосчитать... Как вам не стыдно, товарищ ученый. Когда вы уже оставите меня в покое? Неужели вы думаете, что я куплюсь на ваши ухаживания, на всякие там цветы и конфеты? Однажды я уже сделала такую глупость, и сейчас у меня растет дочь, а я живу только для нее. И я не позволю вам, Евгений Григорьевич, играть моими чувствами и чувствами моего ребенка. Понятно?

— Сколько тебе лет? — оторопел от такого напора ученый.

— Двадцать восемь. Знаю, что выгляжу моложе, мне это уже говорили, но голова на плечах у меня есть, — ответила Зина, не жеманясь и не строя глазки. — Ну, а теперь я поем? Не пропадать же добру!

— Очень рациональный подход, — несколько смутился Евгений Григорьевич, считавший данный подход своей прерогативой.

Они молча приступили к трапезе.

Над пропастью из ржи!

— А если у меня чувства? — заикнулся через некоторое время ученый.

— Оставьте! Ваше чувство — физика. И любовь — тоже она.

— Но ведь может же кто-то занять почетное второе место? Я впервые в жизни этого хочу!

— Может... если вы сами решите это уравнение и введете в него второе неизвестное. Но вы вполне можете ошибиться. Я прошу отстать от меня, причины я объяснила.

— И ты решила остаться одна? Но это же нехорошо!

— Вы же один, и это нормально, — парировала Зинаида.

— Я был не прав и сейчас признаю свою ошибку. Лучше поздно, чем никогда. Как ты оказалась у нас в институте? Великая тяга к науке? — спросил ученый, помня, что говорили все вновь поступившие лаборантки.

— Что вы, конечно, нет! Я со школьной скамьи ненавидела физику, но родители настояли, чтобы я окончила физико-математический институт. А сейчас, с ребенком на руках, у меня небольшой выбор. Я готова работать кем угодно, лишь бы работать.

— А живешь ты где?

— В общежитии. Но я не жалею. У нас с Фросей, так зовут мою дочь, прекрасные жилищные условия — отдельная комната. Обычно ее дают только семейной паре, так что мне повезло.

После этого вечера Евгений Григорьевич оставил Зину в покое. Некоторое время Кактусов собирался с мыслями, а когда полностью осознал, что его решение

Татьяна Луизица

четкое, бесповоротное и полностью осознанное, пришел к Зинаиде официально просить ее руки. Так она заняла почетное второе место в жизни гениального физика. Свадьбу сыграли в год московской Олимпиады. Фросе тогда исполнилось пять лет, а Евгению Григорьевичу пятьдесят.

Супруги прожили вместе отпущенные судьбой и богом тридцать лет. И это были самые счастливые годы в жизни обоих. Как говорили знакомые известного ученого, Кактусов нашел свою половинку с математической точностью, а по-другому и быть не могло. Сам же Евгений Григорьевич говаривал, что он всю жизнь ждал именно Зину, поэтому раньше и не женился. Зинаида ни разу не пожалела, что согласилась стать его женой. А уж лучшего отца для своей маленькой дочки она и желать не могла. Кактусов удочерил девочку, дал ей свои фамилию и отчество и всей своей дальнейшей жизнью доказал, что принял ее как родную.

Фрося любила отца с такой же самоотдачей, и когда его не стало, очень тяжело переживала потерю. Но они с мамой собрались с силами и продолжили жить дальше, но уже без сверхталантливого человека, который когда-то подставил плечо женщине с ребенком и ни разу их не предал. Фрося только после смерти отца, хотя была давно взрослой, в полной мере оценила, насколько была под его защитой. Она впервые растерялась, оказавшись лицом к лицу со всеми сложностями этого мира, и теперь, два года спустя, частенько вспоминала один разговор с отцом...

Евгений Григорьевич умирал легко и уже в почтенном возрасте, поэтому, может, и предчувствовал свою

Над пропастью не ржи!

смерть. Незадолго до кончины он завел беседу на весьма щекотливую тему.

— Я ни о чем не жалею, но лучшее, что у меня было в жизни, — это твоя мать и ты.

— Папа, ты почему говоришь в прошедшем времени?

— Да так, что-то навеяло...

— Не надо даже мыслей таких!

— Фрося, я никогда не лез в то, куда не положено лезть...

— Ты о чем?

— Почему мы с мамой не дождемся никак внуков?

— Вот ты про что... — заулыбалась она, удобно усаживаясь напротив. — Ну, ладно, давай поговорим, если хочешь.

— Ты выросла очень похожей на свою мать. Тот же пытливый, умный взгляд, та же улыбка и тот же максималистский взгляд на мир, не дающий никому права на ошибку.

— Да, я похожа на нее, знаю. Но для того, чтобы родить ребенка, нужен мужчина. Надеюсь, ты это понимаешь, папа?

— Ничто человеческое мне не чуждо, — откликнулся Евгений Григорьевич, — сам грешен...

— Мама рассказывала мне о твоей бурной молодости, — засмеялась Ефросинья.

— Не вводи старика в краску! Хорошо, я поставлю вопрос по-другому. Почему ты до сих пор одна? Не нашла достойного мужчину? Но я знаю многих хороших ребят даже у нас в институте. Со многими я тебя пытался познакомить, и все мимо...

Татьяна Луизица

— Может, дело тогда во мне?

— Фрося, я ведь серьезно! Тридцать четыре года для женщины — уже солидный возраст.

— И это мне говоришь ты?!

— Я женился в пятьдесят, но я — мужчина, а тебе еще детишек рожать. Конечно, мужчины..

— Что? Мужчины интересуются женщинами помоложе, ты это хотел сказать?

— Ты же умная...

— Вся в тебя.

— Ты мне льстишь. Но не уводи разговор в сторону. Вопрос очень серьезный. Не нужна ли моя помощь? — поинтересовался Евгений Григорьевич.

— Отец, не смеши меня. Как ты мне можешь помочь? Кого-то насильно женишь на мне? Денег приплатишь за слегка залежалый товар?

— Фрося! Как ты можешь так говорить? Да разве ж я такое предложил бы тебе? Я имел в виду совет какой-нибудь... Помнится, у тебя был парень, Влад...

— Был.

— И что случилось?

— Первая любовь перешла в разряд любви несчастной. А в свете того, что это была первая любовь, особо ужасно слышать при ней слово «несчастливая». Так вот, не повезло, — пожала плечами Ефросинья.

Речь шла о Владиславе Светлове, с которым она вместе училась в институте. Все тогда вроде шло к тому, что дружба между ними перерастет в любовь и молодые люди создадут студенческую семью. Но потом случилось неожиданное — на последнем курсе Влад влюбился в первокурсницу Олю и женился на ней, бросив

Над пропастью из ржи!

Ефросинью. Его поступок осудили все их одноклассники, но самого Влада их мнение совсем не беспокоило. Парень просто сказал бывшей подружке «прости» и исчез из ее жизни навсегда.

Сказать, что Ефросинья сильно переживала, — ничего не сказать. Она просто умирала! Похудела на двадцать килограммов, загремела в больницу, потому что не хотела ни есть, ни дышать, ни вообще существовать. Фрося всегда была умной девочкой и, видя у своей постели постаревшего отца и мать с покрасневшими глазами, понимала, что причиняет им безумную боль. Не понимала только одного — почему ей настолько не хочется жить на свете. Просто все померкло в глазах... Она сама не ожидала от себя такого самочувствия и ощущения конца света. Когда Владислав был рядом, и рядом его улыбка, его глаза, юмор, его запах, юношеский задор, казалось, что так будет всегда. Она не думала, что переживает самую настоящую любовь, и осознала это, только когда любовь закончилась.

Фрося нашла в себе силы продолжить брэнное существование. Именно существование, жизнью-то ее состояние трудно назвать. На несколько лет у нее вообще выпало из понимания, что на свете есть другие мужчины, парни. Потом под напором общественности и родственников Ефросинья попыталась сходить на несколько глупых свиданий, которые закончились ничем. На том Фрося и успокоилась. Если ее спрашивали про личную жизнь, она объясняла свое одиночество как угодно, только не тем, что никто так и не заменил, не смог заменить Влада, будь он неладен. Нет, об этом Фрося говорить не хотела. Наверное, потому, что рана не зарастала. И вот